

К БЛАГОСКЛОННОМУ ЧИТАТЕЛЮ

*Скорблю о тебе, брат мой... 2-я книга Самуила
[2 Цар. православной Библии] 1, 26.*

Моё сочинение – по причине его несколько необычного содержания – нуждается в кратком предисловии, и желательно, чтобы читатель не оставил его без внимания [1]. Ведь речь у нас пойдёт о достопочтенных предметах религиозной веры, и кто бы ни вёл такую речь, подвержен опасности быть растерзанным на куски обеими партиями, оспаривающими друг у друга как раз эти самые предметы. Спор же происходит из-за странного допущения, что нечто может быть «истинным» лишь тогда, когда преподносится или преподносилось некогда в виде физического факта. Так, например, тот факт, что Христос рождён девой, для одних является предметом веры в качестве физического события, другими же отвергается как физически невозможный. Для любого человека очевидно, что это противоречие логически неразрешимо и что по этой причине лучше избегать продолжения подобного бесплодного диспута. Ведь и те, и другие и правы, и неправы и без труда могли бы понять друг друга, откажись они только от словечка «физический». «Физическое» – не единственный критерий истины. Существуют ведь ещё и душевные истины, которые с точки зрения физической не могут быть ни объяснены, ни доказаны, ни оспорены. Если бы, к примеру, повсеместно верили в то, что Рейн в один прекрасный момент вдруг потечёт вспять – от устья к своему истоку, то эта вера уже сама по себе была бы неким фактом, хотя её выражение, понимаемое с физической точки зрения, должно быть признано абсолютно невероятным. Такого рода вера и

является душевным фактом, который не может быть оспорен и не нуждается в доказательствах.

Эта сфера включает в себя и религиозные высказывания. Они целиком и полностью относятся к предметам, которые невозможно констатировать физически. Если бы они не были таковы, то неотвратно попали бы в область естествознания и были бы кассированы им в качестве непознаваемых. Если соотносить их с физическим бытием, то они вообще лишатся всякого смысла. Они станут тогда просто чудесами, а потому уже сами по себе будут подлежать сомнению, но не смогут указывать на действительность духа, т. е. смысла, ибо смысл всегда свидетельствует о себе из себя самого. Смысл и дух Христов – с нами и внятны нам безо всяких чудес. А последние апеллируют лишь к рассудку тех, для кого этот смысл непостижим. Это просто эрзацы действительности духа, когда она не постигнута. Сказанное не означает отрицания того, что живое присутствие этого духа время от времени, может быть, сопровождается чудесными физическими событиями, а лишь означает стремление подчеркнуть, что таковые не в состоянии ни заменить, ни сделать возможным познание духа, которое только и важно.

Тот факт, что религиозные высказывания нередко даже противоречат физически засвидетельствованным явлениям, доказывает самостоятельность духа по отношению к физическому восприятию и известную независимость душевного опыта от физических данностей. Душа есть автономный фактор, а религиозные высказывания суть исповедания души, зиждущиеся в конечном счёте на бессознательных, т. е. трансцендентальных процессах. Последние недоступны физическому восприятию, но доказывают своё присутствие соответствующими исповеданиями души. Эти высказывания опосредствуются человеческим сознанием или, скорее, вво-

дятся в наглядные формы, которые, в свою очередь, подвергаются многообразным воздействиям внешней и внутренней природы. Отсюда следует, что, ведя речь о религиозных содержаниях, мы оказываемся в мире образов, указывающих на нечто невыразимое. Мы не знаем, сколь точны или неточны эти образы, подобия и понятия в отношении своего трансцендентального предмета. К примеру, говоря «бог», мы высказываем некий образ или словесное понятие, в ходе времени претерпевшее различные изменения. При этом мы не в состоянии привести – пусть даже с помощью веры – сколько-нибудь надёжных оснований для решения вопроса о том, затронуты ли этими изменениями лишь образы и понятия или само это невыразимое. Ведь Бога с равным успехом можно представлять себе и как вечно бурлящее, жизнетворное действие, принимающее бесчисленное множество обликов, и как вечно неподвижное, неизменное бытие. Наш рассудок уверен только в одном – в том, что орудует образами, представлениями, зависящими от человеческой фантазии с её временной и пространственной обусловленностью и потому много раз менявшимися на протяжении тысячелетий её истории. Нет сомнения в том, что в основе этих образов лежит нечто трансцендентное по отношению к сознанию, и это нечто является причиной того, что такого рода высказывания не просто безбрежно и хаотично меняют свою форму, но позволяют обнаружить, что соотносятся с некоторыми немногими принципами или, скорее, архетипами. Эти архетипы, как и сама психика или как материя, непознаваемы в своей основе – можно лишь создавать их приблизительные модели, о несовершенстве которых нам известно, что снова и снова подтверждается религиозными высказываниями.

Когда я, стало быть, занимаюсь в данной работе этими «метафизическими» предметами, то полностью отдаю себе

отчёт в том, что нахожусь при этом в мире образов и что ни одно из моих рассуждений не касается непостижимого. Мне слишком хорошо известно, сколь ограниченно наше воображение, не говоря уже о скудости и бедности нашего языка, чтобы я смел думать, будто мои соображения представляют собой нечто принципиально большее, нежели вера дикаря в то, что хранящий его бог – это заяц или змея. Хотя весь мир наших религиозных представлений состоит из антропоморфных образов, которые, оставаясь таковыми, никогда не выдерживали рациональной критики, всё же не следует забывать о том, что они зиждутся на нуминозных архетипах, т. е. на эмоциональной основе, неуязвимой для критического разума. Речь тут идёт о душевных фактах, которые можно только игнорировать, но нельзя отбросить аргументами. Поэтому уже Тертуллиан в данном отношении по праву призвал в свидетели душу. В своём сочинении «О свидетельстве души» он говорит:

[Чем более истинны эти свидетельства души, тем они более просты; чем более просты, тем более общеизвестны; чем более общеизвестны, тем более всеобщи; чем более всеобщи, тем более естественны; чем более естественны, тем более божественны. Полагаю, что никто не сможет счесть их ничтожными и пустыми, созерцая величие природы, коей душа обязана своими правами. Что можно приписать наставнице, то же следует признать и за ученицей. Природа – наставница, душа же – ученица. То, чему та наставляет, а эта усваивает, дано им Богом, кто, разумеется, и есть наставник самой наставницы. То, что душа сумела воспринять от высочайшего своего наставника, установлено в тебе ею, которая ведь и есть в тебе. Ощути же её, которая и даёт тебе ощущать! Подумай о том, что в твоих предчувствиях она – пророчица, в

знамениях – толковательница, в делах – покровительница. Чудесно, что данная человеку Богом, она умеет прорицать. Ещё того чудесней, что она познаёт того, кем сотворена]

Я делаю следующий шаг, рассматривая и изречения Священного Писания в качестве высказываний души, и при этом подвергаю себя риску быть обвиненным в психологизме. Хотя высказывания сознания могут оказаться обманом, ложью и иным самоволием, с высказываниями души этого случиться не может никак: они, указывая на трансцендентные по отношению к сознанию реальности, всегда делают это главным образом через нашу голову. Эти реальные сущности суть архетипы коллективного бессознательного, вызывающие к жизни комплексы представлений, которые выступают в виде мифологических мотивов. Представления такого рода не изобретаются, а входят во внутреннее восприятие – например, в сновидениях – в качестве готовых образований. Это спонтанные феномены, не подверженные нашему произволу, и потому справедливо признавать за ними известную автономию. По этой причине их следует рассматривать не только как объекты, но и как субъекты, подчиняющиеся собственным законам. Естественно, с точки зрения сознания их можно описывать как объекты, а также в известной мере объяснять, каким образом можно – в той же самой мере – описывать и объяснять живого человека. При этом, безусловно, придётся закрыть глаза на их автономию. Однако если принимать таковую во внимание, то с ними неизбежно придётся обращаться как с субъектами, т. е. признавать за ними спонтанность и целенаправленность, а соответственно некий род сознания и *liberum arbitrium*, свободы воли. Их поведение можно наблюдать, а их высказывания – учитывать. Такая двойная позиция, которую следует занимать по отношению к любому относительно самостоятельному организ-

му, естественно, даёт двойной результат – в виде, с одной стороны, сообщения о том, что я делаю с объектом, а с другой – о том, что делает он (в том числе со мной). Ясно, что такой ставящий в тупик дуализм поначалу произведёт в умах читателей некоторое замешательство – и особенно в тот момент, когда ниже мы столкнёмся с архетипом Бога.

Если кто-то почувствует искушение рассмотреть божественные образы наших представлений под знаком выражения «всего лишь», то окажется в противоречии с опытом, вне всяких сомнений свидетельствующим об исключительной нуминозности этих образов. Их чрезвычайная действенность (= мана) даже такова, что вызывает не только ощущение того, что они указывают на реальнейшее сущее (Бог), но также и убеждение в их способности его выражать и, так сказать, полагать. Из-за этого спорить становится необыкновенно трудно, если вообще возможно. Ведь и впрямь, наглядно представить себе действительность Бога невозможно, не используя для этого или появляющиеся по большей части спонтанно, или освященные традицией образы, психическую природу и действие которых наивный рассудок ещё не отделил от их непознаваемой метафизической почвы. Он без колебаний совмещает сильнодействующий образ с тем трансцендентальным «икс», на который этот образ указывает. Мнимая правомочность такой акции воспринимается как абсолютно очевидная и не принимается во внимание в качестве проблемы до тех пор, пока против подобного заявления не начинают выдвигаться серьёзные возражения. А если уж повод для них найден, то надо вспомнить о том, что и образ, и заявление суть психические процессы, отличные от своего трансцендентального предмета; они не полагают, а только обрисовывают его. В сфере психических процессов критика и разбирательство не просто дозволены, но даже необходимы.

СОДЕРЖАНИЕ

К БЛАГОСКЛОННОМУ ЧИТАТЕЛЮ	3
ОТВЕТ ИОВУ	10
Примечания	144